

КУРСКІА ЕПАРХІАЛЬНЫА ВѢДОМОСТИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРЫЙ.

13—20 АПРѢЛЯ

№ 16

1902 ГОДА.

Выходятъ еженедѣльно по Субботамъ. Редакція при Духовной Семинаріи.

ЦѢНА годовому изданію съ пересылкой и безъ пересылки 5 руб.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

А.

Симъ объявляется, что съ 22 по 30 апрѣля сего года, по распоряженію Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Лаврентія, Епископа Курскаго и Бѣлоградскаго, будутъ производиться экзамены для діаконовъ, ищущихъ священническаго сана.

Б.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

І. Награжденіе.

Резолюціею Его Преосвященства награжденъ:

14 апрѣля, іеромонахъ Курскаго Знаменскаго монастыря
Іуліанъ — набедренникомъ.

Умершіе: 4 апрѣля — діаконъ села Сухой Солотины, Обо-
янскаго уѣзда, Симеонъ Никольскій.

ІІ. Вакансіи *).

а) Священническія:

въ с. Глубомъ Дмитріевскаго уѣзда,
въ с. Бабинѣ Обоянскаго уѣзда,
въ с. Макѣевѣ Рыльскаго уѣзда,
въ с. Мазикинѣ Корочанскаго уѣзда.

б) Діаконскія:

въ г. Бѣлгородѣ при Успенско-Николаевской соборной церкви,
въ с. Масловѣ Курскаго уѣзда,
въ селахъ: Андреевкѣ (Головинѣ),
Зиборовкѣ,
Ближней Игумновой,
Дальней Игумновой,
Мазикинѣ,
Никольскомъ (Хлоповкѣ),
Пяти-Яругахъ,
Ушаковѣ,
Крапивномъ,
Черемошномъ,
Разумномъ,
Крутомъ Логѣ,
Муромѣ,

Бѣлгородскаго
уѣзда,

---

*) Свѣдѣнія о приходяхъ и пр. показаны въ справочной тетради о церквахъ и причтахъ, разосланной по епархіи.

- въ селахъ: Казачьей Лисичкѣ,
Мощеномъ,
Ивановской Лисицѣ, } Грайворонскаго уѣзда,
Почаевѣ,
Глинкѣ,
Коровинѣ,
Романовѣ,
Сныткинѣ,
Коробкинѣ,
Сальномъ, } Дмитріевскаго уѣзда,
Бехтѣевкѣ,
Коломыйцевой,
Нечаевѣ,
Казанскомъ,
Космодамианской, Неклюдово тожъ, } Кор.
Терезовкѣ,
Соколовкѣ,
Фощеватой,
Сѣтномъ,
Лозномъ,
Холодной,
Никольскомъ, } уѣзда
Кирѣевкѣ,
Ново-Сергіевскомъ, } Льговскаго уѣзда,
Артельномъ,
Гниломъ,
Поповкѣ,
Верхнемъ Березовѣ,
Новой Безгинкѣ,
Васильевомъ Долу,
Бубновѣ,
Велико-Михайловкѣ при Ка-
занской церкви, } Ново-
Оскольскаго
уѣзда,
Сырцевѣ,
Долгомъ Колодезѣ,
Дмитріевскомъ,
Покровскомъ,
Красномъ,
Вышнихъ Пѣнахъ,
Черкасскомъ,
Сухой Солотинѣ, } Обоянскаго уѣзда,

въ селахъ: Князевѣ,	}	Путивльскаго
Погаричахъ,		
Духановкѣ,		
Дьяковкѣ,		
Рыжевкѣ,		
Ревякинѣ,		
Клепалахъ, при Казанской церкви,		
Гвиптовомъ,		
Казацкомъ,	}	Рыльскаго уѣзда,
Пушкарномъ,		
Толпинѣ,		
Алексѣевкѣ,	}	Старо-Оскольскаго
Кондровкѣ,		
Мѣловомъ,		
Илькѣ,	}	Суджанскаго у.,
Груновкѣ,		
Мартыновкѣ,		
Дарьинѣ,	}	Тимскаго
Мяснянскомъ,		
Субботинѣ,		
Верховьѣ Бѣлаго-Колодезя,		
Верхосемьѣ,		
Кускинѣ,		
Спасскомъ Щигровскаго уѣзда,	}	Фатежскаго уѣзда,
Новоспасскомъ,		
Шатохинѣ,		
Рышковѣ, что на Клевѣ, Курскаго уѣзда.		

СПИСОКЪ

членовъ и жертвователей Православнаго Миссіонерскаго Общества

за 1901 годъ.

Званіе, имя, отчество и фамилія членовъ и сорежнователей Православнаго Миссіонерскаго Общества.	Годъ вступленія въ члены.	Членскій взносъ 1901 года.		Излишекъ сверхъ членскаго взноса и взносъ менѣе 3 рублей.	
		Руб.	К.	Руб.	К.
<i>Г. Дмитріева и его узда:</i>					
1 округа:					
Благоч. Протоіерей Ѳеодоръ Покровскій	1900	3	—	—	—
Протоіерей Никол. Ильичъ Пономаревъ	—	—	—	—	—
— Свящ. Андрей Петровъ	—	—	—	—	—
— Свящ. Михаилъ Вляевъ	—	—	—	—	—
Сл. Михайловки свящ. Григорій Гулевицкій	—	—	—	—	—
Села Крупца свящ. Стефанъ Виценко	—	3	—	—	—
— Дерюгина свящ. Николай Селивановъ	—	3	—	—	—
— Кузнецовки св. Василій Мих. Ѳирсовъ	—	3	—	—	—
— Невари св. Григорій Мухинъ-Садовской	—	3	—	—	—
— Косикина свящ. Михаил. Лукашевъ	—	—	—	—	—
— Рыжкова свящ. Евг. Арбузовъ	—	—	—	—	—
Гор. Дмитріева купецъ Андр. Вас. Яковлевъ	—	3	—	—	—
Дворянка Марія Іосифовна Мальковичъ	—	3	—	—	—
Куп. жена Марія Павловна Посохина	—	—	—	—	—
Купецъ Николай Михаил. Посохинъ	1901	3	—	—	—
Свящ. сл. Михайловки Илья Ѳеодор. Бакренивъ	—	3	—	—	—
Свящ. сл. Бочечекъ Леонидъ Ив. Аѳанасьевъ	—	3	—	—	—
2 округа:					
Благоч. св. Николай Ѳеодоровичъ Семеновъ	1900	3	—	2	—
Села Яцына свящ. П. Н. Мальцевъ	—	3	—	—	—
3 округа:					
Благоч. Протоіерей Николай Авраамовъ	—	3	—	—	—

4 округа:

Благоч. свящ. Георгій Казанскій	1900	3	—
Села Асотскаго свящ. Павелъ Бѣляевъ	—	3	—
— Коробкина свящ. Никаноровъ Михаилъ	—	3	—
— Погодина свящ. Алексѣй Королевъ	—	3	—
— Краснаго Клина св. Алексѣй Крутиковъ	—	3	—
— Мѣловаго свящ. Андрей Будановъ	—	—	—
— Меркуловки свящ. Алексѣй Аѳанасьевъ	—	—	—
— Петровскаго Шагарова священ. Іоаннъ	—	—	—
Горловъ	—	—	—
Села Арбузова свящ. Александръ Поповъ	—	—	—
— Быковки свящ. Василій Букинъ	—	—	—
— Бѣлитина свящ. Іоаннъ Косминъ	—	—	—
— Фатѣвки свящ. Іоаннъ Николаевскій	—	—	—
— Глубаго свящ. Павелъ Говоровъ	—	—	—
— Вѣти свящ. Θεодоръ Васильевъ	—	3	—
— Деженина свящ. Алек. Клиимовъ	—	—	—
— Пробожья свящ. Димитрій Соколовъ	—	—	—
— Глубаго крестьянинъ Василій Косминъ	—	—	—
Павковъ	—	—	—
Села Селина свящ. Іоаннъ Беренскій	—	—	—

Казначей Комитета, Свящ. *Іоаннъ Шкорбатовъ.*

ПРИЕМЪ ВОСПИТАННИКОВЪ

ВЪ КІЕВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМІЮ.

Отъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи объявляется, что съ 16 августа сего 1902 года въ Кіевской Духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣеть быть приемъ воспитанниковъ.

1) Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, съ полнымъ успѣхомъ окончившіе курсъ духовной семинаріи или классической гимназіи.

2) Женатыя лица въ число студентовъ Академіи не принимаются.

3) Просьбы о приѣмѣ въ студенты Академіи подаются волонтерами лично или присылаются по почтѣ на имя ректора Академіи до 6-го августа.

4) Къ прошенію о приѣмѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій или гимназическій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, выданное духовной консисторіей; в) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призывному участию по отбыванію сей повинности; г) документъ о состояніи, къ которому принадлежит проситель по своему званію, если онъ не духовнаго происхожденія. Лица податнаго сословія обязаны сверхъ того представить свидѣтельства объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи.

Примѣчаніе. Семинарскія правленія также до 6-го августа высылаютъ всѣ вышеозначенные документы назначенныхъ ими въ Академію воспитанниковъ, которые обязаны сами явиться въ оную къ 14 августа (но не ранѣе 12-го).

5) Желаящіе поступить въ число студентовъ Академіи должны имѣть въ аттестатахъ по поведенію балль 5.

6) Поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство о благонадежности отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли.

7) Всѣ воспитанники, какъ присланные въ Академію по распоряженію начальства, такъ и поступающіе по собственному желанію, подвергаются предварительно медицинскому освидѣтельствованію состоянія ихъ здоровья, а затѣмъ повѣрочному испытанію въ особыхъ, назначаемыхъ для этого Совѣтомъ, комиссіяхъ и принимаются въ студенты лишь въ случаѣ удовлетворительности состоянія ихъ здоровья и по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія.

8) Повѣрочныя приѣмныя испытанія будутъ произведены: по священному писанію ветхаго и новаго завѣта, догматическому богословію, церковной исторіи общей и русской и одному изъ древнихъ языковъ (по выбору экзаменующихся); кромѣ того, подвергающіеся испытанію должны написать на заданныя темы сочиненія по нравственному богословію, по одному изъ философскихъ предметовъ и поученіе.

9) Испытаніе всѣхъ явившихся будетъ производимо по программамъ семинарскаго преподаванія въ полномъ ихъ объемѣ.

10) Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе—на казенное содержаніе и стипендіи, а остальные—своекоштными.

11) Свободныхъ вакансій кезеннокоштныхъ для I курса, согласно штату, имѣется 30, изъ которыхъ на 25 вакансій вызываются семинарскіе воспитанники по назначенію начальства, а 5 вакансій предназначены для тѣхъ волонтеровъ, которые болѣе удовлетворительно сдадутъ повѣрочный экзамень. Свободныхъ стипендій для I курса имѣется въ виду не менѣе 5. Число своекоштныхъ студентовъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій.

12) Своєкоштные студенты за свое содержаніе въ Академіи вносятъ 210 руб. въ годъ или по 105 р. въ сентябрѣ и январѣ за каждое полугодіе; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца увольняются изъ Академіи.

13) Выѣ зданій Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное, а не случайное или кратковременное жительство въ Кіевѣ.

Содержаніе:—А.—Б. Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—І. Награжденія.—ІІ. Вакансіи.—ІІІ. Списокъ членовъ и жертвователей Православнаго Миссіонерскаго Общества, за 1901 годъ.—ІV. Пріемъ воспитанниковъ въ Кіевскую Духовную Академію.

П Р И В А В Л Е Н І Е

ВЪ КУРСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВЪДОМОСТЯХЪ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

13 — 20 апрѣля

№ 16

1902 года.

П О У Ч Е Н І Е

ВЪ НЕДѢЛЮ О РАЗСЛАБЛЕННОМЪ.

Человѣка не имамъ...

Тридцать восемь лѣтъ лежалъ несчастный въ разслабленіи. Въ теченіи этого времени сколько тысячъ людей прошло мимо этого несчастнаго? И что-же? Не нашлось человѣка, который бы помогъ несчастному, далъ бы ему истинное утѣшеніе, возвратилъ бы ему здоровье. Человѣка не имамъ, безнадежно говорить онъ. Людей много, а человѣка нѣтъ. Несчастіе мое видятъ, а помочь или не хотятъ, или не могутъ. Итакъ проходитъ день за днемъ, годъ за годомъ, проходитъ 38 лѣтъ, а человѣка все нѣтъ, да нѣтъ. Человѣка не имамъ. Какое ужасное положеніе! Какія за сердце хватающія слова? Но вотъ нашелся человѣкъ, который единымъ словомъ возвыгъ лежащаго въ разслабленіи; но это былъ не простой человѣкъ, а Богочеловѣкъ...

Такъ, братіе, только Богъ одинъ можетъ утѣшить человѣка въ несчастіи, бѣдности, болѣзни. Кромѣ Его нѣтъ утѣшенія... Никто и ничто не можетъ утѣшить человѣка... Перенесемъ, братіе, изъ нашего, доступнаго только для избранныхъ, храма на паперти простыхъ церквей, въ ограды монастырей, въ общественныя больницы... Какая печальная картина представляется намъ? Тамъ тоже увидимъ множество болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, разслабленныхъ, чающихъ отъ Бога и отъ васъ милости. Слышите, какъ они стонутъ отъ болѣзни, какъ болѣзненно вопіютъ о помощи... Смо-

трите: сердобольные люди кладутъ имъ въ чашечки мелкія монеты, кусочки хлѣба; смотрите, съ какимъ участіемъ обращаются къ нимъ съ словомъ любви добрые люди... Все это прекрасно; все это нужно дѣлать, даже гораздо болѣе... Но ужели вы думаете, что ваши копѣйки утѣшатъ несчастнаго? Кто знаетъ, можетъ быть, сердце у него кровью обливается, когда онъ протягиваетъ свою руку за помощію. О! я бы больше, щедрѣе подавалъ, если бы былъ здоровъ! Ахъ, братіе, блаженнѣе, тысячу разъ блаженнѣе даяти, нежели принимать. Ахъ! кто знаетъ, можетъ самый видъ насъ — здоровыхъ и счастливыхъ еще болѣе увеличиваетъ ихъ несчастіе!

Обратите вниманіе на жизнь бѣдныхъ людей; посмотрите, какъ они трудятся: вѣдь иные изъ нихъ трудятся болѣе рабочей лошади. А между тѣмъ загляните въ жилища этихъ бѣдняковъ... Ахъ! сколько на свѣтѣ лошадей, которыхъ помѣщенія, въ сравненіи съ лачугами бѣдныхъ, можно назвать палатами роскошными. Попробуйте пищу бѣдныхъ и вы со скорбію должны будете сознаться, что животныя въ домѣ богатыхъ иногда питаются лучшею, болѣе здоровою и питательною пищею. Думаемъ ли мы когда-либо о томъ, что думаетъ голодный бѣднякъ, подавая роскошныя блюда упитаннымъ богатымъ. Или что думаетъ дрожащій отъ холода, проходя мимо ярко освѣщеннаго дома, въ которомъ роскошь убранства комнатъ спорить съ роскошью нарядовъ его обитателей, откуда несется громъ музыки, гдѣ слышатся веселіе и смѣхъ, видѣются довольныя и счастливыя лица... Кто знаетъ, какъ часто зависть холодною змѣею обвивается вокругъ его сердца? Кто сотретъ главу этого змѣя въ нашемъ сердцѣ? Только вѣра святая: она внушаетъ, что всѣ блага міра — ничтожны: кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрѣщеть, душу же свою отщепить. Или что думаетъ отецъ многочисленнаго семейства, едва, едва пропитывающій своихъ дѣтей и не могущій дать имъ приличнаго образованія, когда видитъ, что дѣти другихъ людей пользуются всѣми благами образованія — роскошно содержатся, все у нихъ есть и прекрасныя книжки, и хорошіе учителя, и ненужныя игрушки. „А у моихъ ничего нѣтъ, и

они учились бы, да негдѣ средствъ взять "... Кто утѣшитъ ихъ, если не Господь? Аще не Господь помогль ми, вмалѣ вселилась бы душа моя во адъ, говоритъ св. Давидъ; но по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою (Пс. 93, 17. 19).

Присоедините къ бѣдности несчастія, и вы получите потрясающую картину. Вотъ у бѣднаго сгорѣлъ домъ; гдѣ ему главу подклонить? Только въ кровѣ Бога вышняго. Вотъ у пахаря нива незародила; чѣмъ онъ прокормитъ себя и семейство? А какія она надежды подавала? Какъ радовала? И вдругъ огонь, градъ, духъ бурень, и ничего не стало; цвѣла, какъ рай, а стала, какъ опустошенная степь (Иоиль 2, — 3). Гдѣ искать помощи? Къ Тебѣ взываю, Господи, говоритъ Пророкъ (Иоиль 1, 19). Вотъ у старика или вдовы умираетъ сынъ, послѣдняя утѣха, единственная опора. Кто вернетъ имъ сына? Увы! не одинъ Давидъ, а миллионы людей рыдали, били въ перси и зывали у гроба, у холодной могилы бились о землю: сыне мой! Сыне мой! Что-же молчишь, сыне мой! Охъ! легъ бы я на твое мѣсто! Нѣтъ человѣка, который бы облегчилъ эту скорбь. Но глянетъ человѣкъ на небо и станетъ ему легче.

Присоедините къ сему болѣзни: увy! миллионы людей зывали бы съ отчаяніемъ: зачѣмъ ты вывелъ меня изъ чрева? пусть бы я умеръ, когда еще ничей глазъ не видѣлъ меня! пусть бы я, какъ небывшій, изъ чрева перенесенъ былъ во гробъ? Но милосердъ Господь: онъ проливаетъ утѣшеніе въ страждущее сердце, — и страдалецъ, съ умиленіемъ взирая на небо, говорить: я знаю, Искупитель мой, Господь Иисусъ Христосъ живъ и Онъ можетъ воскресить кожу мою, терпящую сія (Іова 38).

Благословенъ Богъ! и мы были свидѣтелями, какъ великіе страдальцы благодарили Бога и говорили: я—то что? посмотрите, что другіе терпятъ; у меня все есть; а другимъ и ѣсть нечего и напиться подать некому.

Присоедините къ сему неправду людскую: вы видите беззаконіе и пререканіе во градѣ; любите правду и ненавидите неправду; видите, что неправда торжествуетъ надъ правдою и ничего не можете сдѣлать; сердце ваше раздирается; всѣ ко-

сти сотрясаются (Иер. 23, 9), въ душѣ вашей горитъ огонь ревности къ славѣ Божіей; вы утомились сдерживать свою ревность, начинаете говорить, вопіять, и надъ вами смѣются; васъ не слушаютъ: Слово Господне обратилось въ поношеніе вамъ и въ посмѣяніе (Иер. 20, 8). Въ такомъ состояніи самые величайшіе праведники вопіяли: довольно уже, Господи, возьми душу мою (3, Царств. 19, 4). Нѣтъ человѣка, который бы водворилъ правду на землѣ, человѣка нѣтъ; но есть Іисусъ Христосъ, истинный Богъ, Судія праведный, Защитникъ вдовъ и сиротъ, Заступникъ и Покровитель униженныхъ и оскорбленныхъ: Онъ воздастъ каждому по дѣламъ его; Онъ водворитъ правду на землѣ; будетъ несомнѣнно время, когда праведницы возвеселятся (Пс. 67, 4), преподобные восхвалятся во славѣ и возрадуются на ложахъ своихъ (Пс. 149, 5). Эта вѣра ободряетъ и оживляетъ человѣка, отгоняетъ уныніе, и онъ бодро трудится, ведетъ борьбу съ зломъ съ надеждою на побѣду, бодро исходитъ на дѣло свое и на дѣланіе съ утра до вечера; а безъ сей спасительной вѣры онъ палъ бы подъ бременемъ неправды.

А что сказать о томъ состояніи, когда человѣкъ, по выраженію Пророка, становится ужасомъ для самого себя (Иерем. 20, 4.), когда проснувшаяся его совѣсть представить ему всю мерзость содѣянныхъ лютыхъ; когда человѣкъ сознаетъ, что онъ погубилъ ума красоту, что время прошло, силы утрачены, настала старость, а ничего не сдѣлано, или что еще хуже, сдѣлано только худое, что это худое исправить невозможно? Кто прольетъ миръ въ отравленную зломъ душу? Кто успокоитъ мятущуюся совѣсть? Кто исцѣлитъ раны, нанесенныя грѣхомъ сердцу? Нѣтъ человѣка, который бы могъ это сдѣлать; это можетъ сдѣлать только Всемогуцій Богъ.

Братія! Вамъ извѣстно, какъ ослабѣла въ наше время вѣра? Нынѣ уже хвалятся тѣмъ, чего прежде боялись, чего прежде стыдились. Но вамъ извѣстно, какъ часто стали въ мірѣ убійства и самоубійства; люди стали играть своею и чужою жизнію. Видно, что безъ вѣры въ Бога нельзя жить; малаго не счастья не переноситъ человѣкъ безъ вѣры въ Бога,

Владыко, Господи, на крестѣ пригвождей дерзновенный Адамовъ грѣхъ и согрѣшеній нашихъ рукописаніе раздери; миръ подаждь намъ падшимъ, Человѣколюбче. Приложи намъ вѣру (Лук. 17, 5). Помози нашему невѣрію (Марк, 9, 24). Аминь.

---

*Св. Иоанна Златоустаго о будущемъ
воскресеніи тѣла.*

Не говори мнѣ: какъ можетъ воскреснуть тѣло и быть непричастно тлѣнію? Ибо гдѣ дѣйствуетъ сила Божія, тамъ вопросъ: какъ? не умѣстенъ. И что я говорю о силѣ Божіей? Тебя самого сотворилъ Богъ художникомъ воскресенія: это видишь ты на сѣменахъ, бросаемыхъ тобою въ землю, на искусствахъ своихъ и произведеніяхъ изъ металловъ. Если сѣмена прежде не умрутъ, не сгніютъ и не истлѣютъ, то не произрастятъ колоса. И какъ ты, когда замѣчаешь, что сѣмя подвергается порчѣ и тлѣнію, не только не сомнѣваешься, но еще тѣмъ самымъ тверже убѣждаешься въ воскресеніи (ибо если бы сѣмя осталось цѣлымъ, безъ поврежденія и разрушенія, то и ни воскресло бы): такъ разсуждай и о тѣлѣ своемъ. Когда видишь въ тѣлѣ своемъ тлѣніе, тогда наипаче любомудрствуй о воскресеніи; ибо смерть есть не что иное, какъ совершенное уничтоженіе тлѣнія; смерть поглощаетъ не просто тѣло, а тлѣніе тѣла. То же можешь видѣть и на вещахъ металлическихъ. Литейщики берутъ сначала грубую глыбу золотой руды и, повергая ее въ плавильный сосудъ, выливаютъ золото; такимъ же образомъ изъ смѣшаннаго песка, съ другимъ веществомъ, выдѣлываютъ чистое стекло. Столь велика сила огня! Но скажи, не гораздо ли могущественнѣе сила Божія? Кто изъ разумныхъ можетъ усомниться въ этомъ? Разсуди, какъ она въ началѣ сотворила тебя, — и не станешь сомнѣваться въ воскресеніи. Не персть ли земную она взяла и изъ нея образовала тебя? Да и не больше ли труднымъ представляется образовать изъ земли — и плоть, и жилы, и кожу, и кости, и нервы, и артеріи, и органическія, и простыя тѣла,

глаза, уши, ноздри, ноги, руки, и притомъ усвоить дѣятельную силу каждому изъ сихъ членовъ, особенную и всѣмъ общую, — не много ли труднѣе, говорю, все это сдѣлать, чѣмъ тѣло, подвергшееся разрушенію, возстановить такъ, чтобы опять никогда не разрушалось? Не видишь ли, какъ земля однообразна, а тѣло многосоставно и разнообразно въ дѣйствіяхъ, цвѣтахъ, очертаніяхъ, составныхъ частяхъ и во всемъ прочемъ? Послѣ сего скажи, какъ можешь сомнѣваться въ будущемъ воскресеніи тѣлъ? Но что мы ризсуждаемъ о тѣлахъ? Скажи мнѣ, какъ сотворилъ Онъ силы безтѣлесныя, сонмы Ангеловъ, Архангеловъ и множество другихъ высшихъ существъ? Какъ сотворилъ, укажи способъ? Что до меня касается, — я не знаю другаго къ тому способа, кромѣ того, что для сего довольно было только одинаго Его хотѣнія. Итакъ Тотъ, Кто могъ сотворить столько безплотныхъ воинствъ, не силенъ ли возстановить разрушившуюся плоть и возвести въ лучшее достоинство? Кто столько безчувственъ, чтобы сталъ сомнѣваться въ этомъ и отвергать воскресеніе? — Притомъ, если не воскреснетъ тѣло, то и человѣкъ не воскреснетъ; ибо человѣкъ состоитъ не изъ одной души, но изъ души и тѣла; и если бы воскресла одна душа, то человѣкъ воскресъ бы только половиною существа, а не всѣмъ существомъ. Да и говорится о воскресеніи души не въ собственномъ смыслѣ; ибо воскресаетъ то, что умерло и разрушилось, но разрушается не душа, а тѣло.

Но что значать слова: *аще точно и облекшеся, не называемся* (2 Кор. 5, 3)? Тайнство великое и неизреченное внушается намъ здѣсь прикровенно. Какое же тайнство? То, о которомъ сказалъ Апостоль и въ 1-мъ посланіи къ коринтянамъ: *хотя всѣ воскреснемъ, но кійждо со своимъ чину* (1 Кор. 15, 22. 23). А это что значить? То, что и еллинъ, и іудей, и отступникъ, и всякій человѣкъ, пришедшій въ сей міръ, воскреснетъ въ послѣдній день, какъ о семъ ясно сказано въ другомъ мѣстѣ: *вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся вскорѣ, во мновеніи ока, въ послѣдней трубѣ* (1 Кор. 15, 51. 52). Поелику же воскреснутъ всѣ люди — и благочестивые и нечестивые, и добрые и злые; то дабы ты не подумалъ, что тамъ

не будетъ мздовоздаянiя по заслугамъ и не сказалъ бы самъ себѣ: гдѣ правосудiе, когда не только я воскресну, — я, приведшій жизнь въ подвигахъ добродѣтели, въ трудахъ и печаляхъ, — но и еллинъ, и беззаконникъ, и идолослужитель, и даже тотъ, кто не позналъ Христа, также воскреснетъ и равную со мною получить честь? — Чтобы ты не сказалъ ничего такого и не возмутился, — выслушай, что говорятъ Апостолъ: *еще точiю и облекшеся, не нази обрящемся*. Какъ же облеченному въ нетлѣнiе и безсмертiе можно обрѣстися нагимъ? Когда это быть можетъ? Тогда, когда мы не будемъ имѣть одѣянiя славы и дерзновенiя предъ Богомъ. Хотя и грѣшниковъ тѣла возстанутъ нетлѣнными и безсмертными; но эта честь послужить для нихъ въ тяжесть мученiй и наказанiя: они возстанутъ нетлѣнными, чтобы вѣчно горѣть въ геенскомъ огнѣ. Какъ этотъ огонь неугасаемъ; такъ и самыя тѣла, которыми будетъ питаться сей огонь, должны быть не сгораемы. Потому-то и сказано: *еще точiю и облекшеся, не нази обрящемся*. Не о томъ надлежитъ намъ заботиться, чтобы воскреснуть и облещися въ безсмертiе, но о томъ, чтобы, воскресши и облекшись въ безсмертiе, не обрѣстися намъ въ наготѣ безславiя, лишенными всякаго дерзновенiя предъ Богомъ и не быть вверженными въ огонь неугасаемый. Вотъ почему и сказалъ Апостолъ: *еще точiю и облекшеся, не нази обрящемся!*

Далѣе Апостолъ представляетъ болѣе убѣдительное доказательство истины воскресенiя. Сказавши, что *пожертво будетъ мертвенное животомъ*, онъ присовокупилъ: *на сiе самое и сотворилъ насъ Богъ* (2 Кор. 5, 4. 5.), т. е. въ началѣ создалъ Богъ человѣка не для гибели, но для жизни нетлѣнной, такъ что, хотя Онъ и попустилъ смерть, но попустилъ ее съ тѣмъ намѣренiемъ, чтобы человѣкъ, умудрившись симъ наказанiемъ и сдѣлавшись лучшимъ, опять наслѣдовалъ безсмертiе. Твердо и непреложно было это намѣренiе и это опредѣленiе воли Божiей еще въ началѣ, еще прежде сотворенiя перваго человѣка. Это открыто намъ на самыхъ первыхъ страницахъ Слова Божiя. Если бы Господь не предопредѣлилъ въ началѣ отверсти намъ врата воскресенiя, то онъ не попустилъ бы праведному и воз-

любленному своему Авелю потерпѣть то, что онъ потерпѣлъ. Но вотъ, чтобы увѣрить насъ, что мы шествуемъ къ иной жизни и что праведныхъ ожидаетъ иной вѣкъ, въ которомъ они получатъ уготованные имъ вѣнцы и награды, Онъ попустилъ, чтобы первый въ семъ мѣрѣ праведникъ не получилъ здѣсь награды за труды свои, но, отойдя изъ сей жизни, ко всѣмъ вопіялъ бы гласомъ крови своей: есть другая жизнь послѣ настоящей, есть тамъ награды, есть отмщеніе. Потому-то Онъ и Эноха преселилъ, и Илію восхитилъ на небо, поучая сими примѣрами истинѣ воскресенія.

Для полнаго убѣжденія въ истинѣ воскресенія довольно и одной вѣры во всемогущество Творца. Но если слабѣйшій въ вѣрѣ желаетъ слышать другое доказательство и имѣть самый залогъ будущаго воскресенія; то Господь, по великой Своей милости, даровалъ намъ и это, т. е. сообщилъ въ великомъ изобиліи благодать Духа. Посему Павель, послѣ того какъ заимствовалъ непреложное увѣреніе въ общемъ воскресеніи отъ воскресенія Христова—потому что виновникомъ онаго былъ Самъ Богъ (Кор. 4, 14),—присовокупилъ и это доказательство: *и даде намъ Богъ обрученіе*,—залогъ не вещественный, изъ золота или серебра, но залогъ Духа (2 Кор. 5, 5). Залогъ есть часть цѣлаго и поручительство за все прочее. Какъ при взаимныхъ договорахъ получившій залогъ уже не сомнѣвается и твердо бываетъ увѣренъ въ полученіи и всего остальнаго; такъ и ты, получивши залогъ, т. е. дары Духа, не сомнѣвайся болѣе въ полученіи прочихъ уготованныхъ тебѣ благъ. И неужели не заслуживаетъ твоего довѣрія Тотъ, Кто воскрешалъ мертвыхъ, давалъ прозрѣніе слѣпымъ, изгонялъ бѣсовъ, очищалъ прокаженныхъ, исцѣлялъ болѣзни, разрушилъ жертву смерти,—Кто столь многія и великія могъ совершить чудеса надъ браннымъ и смертнымъ тѣломъ? Чѣмъ оправдаешься ты предъ Нимъ въ своемъ невѣріи воскресенію? Если и теперь, когда еще не настало время воскресенія, но продолжается время брани, Богъ увѣнчалъ насъ такими наградами; то представь, какія блага даруетъ Онъ тебѣ во время раздаянія побѣдныхъ вѣнцовъ? Но, быть можетъ, кто-нибудь скажетъ: мы

не видимъ нынѣ такихъ чудесъ и сами не имѣемъ такой силы Духа? На это я отвѣчаю: нынѣ ли совершаются, или прежде творились чудеса, — въ томъ нѣтъ никакого различія. Ибо что прежде творили Апостолы, о томъ проповѣдуютъ по всей все-ленной церкви, грады, племена и народы, о томъ знаютъ жи-тели твердой земли и острововъ. Люди не ученые, беспомощ-ные, бѣдные и презрѣнные не могли бы побѣдить цѣлый міръ, если бы не были облечены чудодѣйственною силою Духа. И нынѣ еще много совершается знаменій дарованія духовнаго, даже большія и удивительнѣйшія совершаются знаменія, чѣмъ тѣ, какія выше мною исчислены. Ибо не одно и то же — тѣло мертвое воскресить, и душу, умерщвленную грѣхомъ, спасти отъ погибели, что совершается чрезъ Крещеніе. Не одно и то же — тѣло облегчить отъ недуговъ и душу разрѣшить отъ бре-мени грѣховнаго. Не одно и то же — око ослѣпшее уврачевать и душу омраченную просвѣтить. Если бы обрученіе Духа не давалось и нынѣ: то не совершалось бы и крещеніе; не было бы ни отпущенія грѣховъ, ни оправданія, ни освѣщенія; не получали бы и всыновленія; не имѣли бы общенія и въ таин-ствѣ Тѣла и Крови, которымъ всегда присуща благодать Духа; не имѣли бы и Священниковъ, и чинъ священства былъ бы невозможенъ безъ благодати рукоположенія. Много и другихъ знаменій благодати Святаго Духа могли бы мы указать, въ доказательство того, что и ты имѣешь обрученіе Духа, что и ты можешь воскресить душу отъ смерти, прогнать мракъ отъ умственныхъ очей, очистить духовную проказу. Итакъ, полу-чивши столь непреложныя увѣренія, да не усумнимся въ жизни будущаго вѣка; но, сложивши въ сердцѣ своемъ все сказанное о воскресеніи, покажемъ жизнь, достойную сего ученія, и тако да достигнемъ благъ вѣчныхъ, превосходящихъ и слово, и умъ человѣческій.

«Наст. и утѣш. Св. вѣры христ.»

Совѣсть и ея значеніе въ человѣческой жизни.

(Два публичныя чтенія по поводу литературныхъ толковъ о свободѣ совѣсти).

Предметъ настоящаго чтенія не случайно избранъ нами. Не такъ давно однимъ изъ уважаемыхъ нами гражданъ К... былъ присланъ намъ № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ съ нарочито отмѣченной въ немъ статьей, по поводу литературныхъ толковъ о свободѣ совѣсти. Статья оказалась испещренной знаками, ясно показывавшими, что содержаніе ея не только заинтересовало приславшаго, но и не мало смутило совѣсть его. Это обстоятельство и послужило для насъ поводомъ и побужденіемъ избрать вопросъ о совѣсти, и въ частности о свободѣ ея предметомъ предполагаемыхъ чтеній.

Не можетъ быть сомнѣнія, конечно, что и самъ по себѣ вопросъ о свободѣ совѣсти представляетъ глубоко-жизненный интересъ. Свобода совѣсти, при правильномъ пониманіи ея, представляетъ одно изъ драгоцѣнныхъ благъ жизни, дарованныхъ міру христіанствомъ, а насиліе надъ совѣстью—одна изъ величайшихъ несправедливостей, съ какими только встрѣчаемся мы въ жизни и въ исторіи народовъ. Но въ томъ крайнемъ пониманіи, въ какомъ свобода совѣсти провозглашается нынѣ нѣкорыми органами печати, въ качествѣ одного изъ самыхъ цѣнныхъ плодовъ современнаго просвѣщенія, таже свобода совѣсти представляетъ одну изъ тѣхъ опасностей, которыя могутъ угрожать всему строю не только религіозно-нравственной, но и общественной жизни народовъ. Потому-то именно вопросъ о свободѣ совѣсти и заслуживаетъ самаго глубокаго и всесторонняго изученія.

Правда, не новъ этотъ вопросъ, какъ не ново и большинство т. н. *современныхъ* вопросовъ. Въ теченіи минувшихъ вѣковъ, а особенно въ два послѣдніе вѣка много разъ возбуждался и горячо обсуждался онъ, „много умовъ безо-

койныхъ томилъ онъ, много имъ муки принесъ“, но и въ наслѣдство нашему вѣку достался не только не разрѣшеннымъ, но еще болѣе затемненнымъ, благодаря той „анархіи умовъ“ и тому „духовному оскудѣнію“, какими отличается наше злополучное время, ненапрасно сравниваемое нѣкоторыми лѣтописцами его съ эпохой паденія греко-римской цивилизаціи, а другимъ напоминающее даже о послѣднихъ временахъ исторіи—о временахъ антихриста.

И въ нашей отечественной литературѣ вопросъ о свободѣ совѣсти не разъ поднимался; но едва-ли когда-либо онъ привлекалъ къ себѣ такъ много вниманія, какъ нынѣ, и въ этомъ нельзя не видѣть печальнаго знамени нашего времени. Совершенно случайно, по видимому, поставленный на очередь на Орловскомъ миссіонерскомъ Съѣздѣ (бывшемъ въ сентябрѣ 1901 г.), въ блестящей по виду, но диллетантски составленной рѣчи одного изъ добровольныхъ участниковъ Съѣзда ¹⁾, этотъ вопросъ долженъ бы, казалось, пройти незамѣтно, какъ проходятъ многія мимолетныя явленія нашей общественной жизни. Но на дѣлѣ вышло иное: лишь только поднять былъ вопросъ, какъ о немъ заговорили, какъ-бы по данному сигналу, во всѣхъ органахъ печати. Очевидно, вопросъ пришелся по духу времени и, благодаря этому именно обстоятельству, въ короткое сравнительно время вокругъ вопроса о свободѣ совѣсти накопилось столько мнѣній и недоумѣній, что и разобраться въ этой путаницѣ взглядовъ въ немногіе часы едва-ли возможно, не рискуя потратить напрасно и время, и трудъ.

А потому, позвольте надѣяться, что вы благосклонно отнесетесь къ нашему скромному намѣренію выяснить вопросъ о свободѣ совѣсти бѣзотносительно къ литературной полемикѣ, поставивъ вопросъ на его естественную—*психологическую* почву

---

¹⁾ Кромѣ самостоятельнаго *салоннаго* вступленія и сомнительнаго по оригинальности заключенія рѣчи г. Стаховича состоитъ изъ дословной, составляющей почти $\frac{2}{3}$ текста, выписки изъ 4-го тома сочиненій Аксакова, откуда почерпнуты для пущей важности ссылки и на нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей (Гизо, Гетте, Овербека и др.); а затѣмъ—изъ неудачнаго перифраза выводовъ того же И. С. Аксакова.

и опираясь главнымъ образомъ на тѣ психологическія данныя, которыя доступны провѣркѣ внутреннимъ опытомъ и здравымъ смысломъ cadaго. Задачей предположенныхъ нами чтеній будетъ: 1) предложить вашему вниманію въ краткомъ очеркѣ психологическое ученіе о совѣсти съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить значеніе ея въ человѣческой жизни и выяснить: свободна ли совѣсть по самому существу своему и можетъ ли личная совѣсть cadaго быть достаточнымъ и надежнымъ руководителемъ его въ жизни? 2) выяснить, что разумѣютъ подъ свободой совѣсти современные провозвѣстники ея и въ какой степени это ученіе можетъ быть признано съ психологической точки зрѣнія основательнымъ и практически осуществимымъ и благотворнымъ?

I.

„Два предмета въ мірѣ наполняютъ душу мою все новымъ и все возрастающимъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ внимательнѣе и чѣмъ чаще я размышляю о нихъ: надомною—необозримое пространство неба, усѣянное мириадами звѣздъ; во мнѣ—таинственный голосъ совѣсти“. Такъ говорить о себѣ геніальнѣйшій представитель философской мысли прошлаго вѣка, заканчивая главный трудъ своей жизни о человѣческомъ духѣ. И Кантъ не напрасно такъ высоко ставитъ совѣсть: въ глубинѣ человѣческой совѣсти, озаряющей своимъ свѣтомъ внутренній міръ человека, столько же таинственно глубокаго смысла, сколько и въ этомъ безпредѣльномъ океанѣ свѣтилъ, освѣщающихъ видимую нами вселенную. И какъ небеса, по словамъ псалмопѣвца, возвѣщаютъ намъ славу Божию,—славу Премудраго Творца міровъ, такъ и совѣсть немолчно вѣщаетъ намъ о верховномъ Законодателѣ вселенной и нелицепріятномъ Судѣѣ нашихъ дѣлъ и помышленій. Но обратимся къ психологіи.

Психологія опредѣляетъ совѣсть, то какъ особое *нравственное чувство*, открывающее намъ, что хорошо и что дурно въ нашихъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ, то какъ особый *нравственный инстинктъ*—безотчетное влеченіе духовной природы

нашей къ осуществленію своего назначенія. Первое изъ этихъ опредѣленій проще и предпочитается обычно, а потому и мы возьмемъ его исходнымъ пунктомъ. Правда, опредѣленіе это такъ же не полно, какъ и второе, но оно яснѣе указываетъ намъ на тотъ первоначальный и основной моментъ обнаруженія совѣсти въ нашемъ внутреннемъ опытѣ, съ котораго естественно начать. Несомнѣнно, что совѣсть открывается нашему сознанію прежде всего, какъ особое явленіе, или состояніе нашего сердца, какъ особое чувство, имѣющее отличительныя черты, свойственныя всему классу чувствованій. Всякое чувство, говорить психологія, есть сердечное волненіе, возникающее изъ дѣйствія на душу и оцѣнки душой переживаемыхъ ею состояній (или испытываемыхъ впечатлѣній) съ точки зрѣнія соотвѣтствія или несоотвѣтствія этихъ состояній ея потребностямъ и ея благу: все, что способствуетъ и благопріятствуетъ ровному, спокойному и безпрепятственному теченію и развитію нашей жизни, или повышаетъ, такъ сказать, пульсъ ея (въ опредѣленныхъ, впрочемъ, нормальныхъ предѣлахъ), дѣйствуетъ пріятно, доставляетъ удовольствіе; наоборотъ—все, что задерживаетъ, затрудняетъ, или нарушаетъ нормальное теченіе жизни, вызываетъ чувство непріятное. Совѣсть, несомнѣнно, относится къ этому же классу явленій: она также служитъ источникомъ то удовольствій, то страданій, основаніемъ которыхъ служитъ соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе нашихъ желаній и поступковъ нравственнымъ потребностямъ нашего духа. Затѣмъ, —всякое чувство, говорятъ психологи, связано съ нѣкоторымъ безотчетнымъ, темнымъ знаніемъ, предваряющимъ отчетливое, логическое, разсудочное знаніе (такъ, наприм. бываетъ, когда мы судимъ о человѣкѣ по первому впечатлѣнію); такимъ же образомъ, и въ каждомъ актѣ совѣсти психологія различаетъ два элемента (какъ принято нынѣ говорить): одинъ — познавательный, другой—чувствующій, сердечный; къ первому относятся непосредственное сужденіе о качествахъ поступковъ; ко второму пріятное или непріятное чувство, связанное съ этой оцѣнкой. Достоинно особеннаго вниманія, что на эту связь совѣсти съ познаніемъ указываютъ и великіе учителя Церкви, глубоко-

проникавшіе во внутренняя нашего сердца; „Богъ сотворилъ челоуѣка, говорить св. Іоаннъ Златоустъ, достаточнымъ для того, чтобы онъ предпочиталъ добро и избѣгалъ зла: для этого даны ему совѣсть и разумъ“ (Толков. на посл. къ Римлянамъ).—Итакъ, совѣсть есть чувство, но чувство особаго высшаго порядка, чувство *въщее* въ нѣкоторомъ смыслѣ, вѣщающее намъ не о томъ, что есть, а о томъ, что должно быть, о нравственномъ долгѣ нашемъ. Почти одновременно съ тѣмъ, какъ возникаетъ въ душѣ намѣреніе, или совершается поступокъ, прежде даже, чѣмъ мы достаточно обсудимъ его, а иногда и вопреки разсудку, совѣсть уже языкомъ чувства говорить намъ—хорошо, или дурно задуманное, или сдѣланное нами. Что ложь постыдна, а убійство преступно—это челоуѣкъ почувствовалъ сердцемъ раньше, чѣмъ составилъ разсудочное понятіе о лжи и убійствѣ. Отсюда то произошло и самое названіе совѣсти, которая во всѣхъ, извѣстныхъ намъ, языкахъ, какъ и въ нашемъ русскомъ отглагольнаго происхожденія и составлено изъ двухъ частей: предлога *со*, означающаго вмѣстѣ съ чѣмъ, совмѣстно, или одновременно, и глагола *въдать*, знать, —совѣдѣніе, совѣсть, conscientia, la conscience, gewissen, *συνείδησις* и т. п.

Откуда же исходитъ этотъ голосъ совѣсти, гдѣ его источникъ? Внутренній опытъ дастъ намъ, по видимому, вполне достаточный отвѣтъ на эти вопросы: голосъ совѣсти—это голосъ нашего сердца; источникъ его въ нравственной природѣ челоуѣческаго духа. Исторія знаетъ примѣры, что у нѣкоторыхъ, богато одаренныхъ внутренней воспримчивостью людей, этотъ голосъ слышался такъ явственно, что казался имъ какимъ то добрымъ геніемъ, постояннымъ спутникомъ и вѣрнымъ стражемъ ихъ жизни (Сократъ). Но не въ этихъ единичныхъ и исключительныхъ случаяхъ сила; что совѣсть изначальное свойство нашего сердца—это одно изъ тѣхъ всеобщихъ челоуѣческихъ убѣжденій, съ какими мы встрѣчаемся не только въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и законодательствахъ народовъ, стоящихъ на всевозможныхъ степеняхъ развитія, но и въ само-бытнѣй психологіи ихъ, выражающейсѣ въ различныхъ сказа-

ніяхъ, преданіяхъ и обычаяхъ ихъ. По древне-китайскому сказанію, олицетворявшему совѣсть въ образѣ какого-то невидимаго существа, живущаго въ человѣкѣ, когда совѣсть родилась въ міръ, то звѣзды небесныя отразились въ очахъ ея и зажгли въ нихъ тѣ неугасимые огни, которые освѣщаютъ добрыя дѣла человѣка. Древнее греческое преданіе связываетъ происхожденіе совѣсти, какъ и мудрости, съ мифомъ о Прометѣѣ, который похитилъ на небѣ съ очага Зевса огонь, надѣлилъ имъ человѣка и въ этомъ огнѣ даровалъ человѣку мудрость (разумъ) и добродѣтели (совѣсть). У нашего народа есть также своеобразная психологія на этотъ счетъ: въ груди человѣка вѣсы устроены, которые то и дѣло склоняются то къ добру, то къ худу, и какая сторона беретъ перевѣсъ, то человѣкъ и дѣлаетъ. Просты и наивны эти сказанія и образы; но въ совокупности своей они отражаютъ несомнѣнную истину. Правда, представители современной, т. е. положительной (позитивной) психологіи не довѣряютъ ни внутреннему свидѣтельству нашего сознанія, ни психологіи народовъ. Они утверждаютъ, что все содержаніе нашей душевной жизни воспринимается нами извнѣ и только мало по малу образуется; по этому ученію, совѣститься, какъ и стыдиться мы научаемся въ раннемъ дѣтствѣ отъ нашихъ родителей и воспитателей. Но ни теорія этой психологіи, представляющая человѣка въ его первоначальномъ естественномъ состояніи только хорошо организованной машиной, которая извнѣ наполняется содержаніемъ, — не можетъ внушать довѣрія, ни объясненіе происхожденія совѣсти изъ наученія не выдерживаетъ и самой снисходительной критики. Неоспорима и нынѣ старая научная истина, что ни одно живое существо въ мірѣ не развивается путемъ внѣшнихъ приставокъ или прибавокъ къ нему; чего не дала ему природа въ видѣ задатка или способности, того не дастъ ему никакое внѣшнее вліяніе. „Въ сердцѣ человѣка, говоритъ Шиллеръ, источникъ всего добраго и прекраснаго, — источникъ благоговѣнія и возвышеннѣйшей добродѣтели; изъ сердца же это сокровище духа вносится и въ жизнь, и въ окружающій міръ, а не наоборотъ“. „Разсматриваемъ ли мы какую либо мѣстность, комментируетъ приведен-

ныя слова Шиллера Тюрке, изучаемъ ли судьбы людей, прислушиваемся ли къ пѣнію птицъ, или къ шуму лѣсовъ, всегда источникомъ наслажденія служить сердце, опредѣляющее цѣнность (красоту, изящество, гармонію) впечатлѣній, а не эти послѣднія сами по себѣ“. ¹⁾ Извѣстный вамъ герой трагедіи Гетте „Фаустъ“, всю жизнь въ тайникахъ души своей искавшій разгадки не только тайны (смысла) жизни, но и основныхъ законовъ мірозданія, въ концѣ жизни ослѣпъ, но не пришелъ въ уныніе; онъ чувствовалъ, что въ душѣ его больше свѣта, чѣмъ внѣ ея:

„въ очахъ моихъ весь міръ покрылся мглою;
но тамъ, въ душѣ, тѣмъ ярче свѣтъ горитъ!“

И не думайте, что такъ смотрять на душевную жизнь только философы и поэты... Невольно припоминается намъ одинъ народный рассказъ: крестьянинъ—музыкантъ (гармонистъ) мечтаетъ о томъ, что онъ купилъ бы, если бы у него были деньги? Купилъ бы гармонію за 25 рублей, рѣшаетъ онъ; но затѣмъ, подумавъ немного, онъ философствуетъ такъ: „нѣтъ, не надо! Еще не знаешь, какъ она окажется, а моя старая дороже мнѣ всего на свѣтѣ: *еъ ней—душа моя живетъ*. Не то хорошо, что хорошо, а то, что любо“. Несомнѣнно, что въ этой простой философіи здраваго смысла больше истины, чѣмъ въ той мудреной психологіи, о которой говорили мы. Говорять: совѣститься научаютъ насъ родители. Допустимъ это: пусть меня научили совѣститься мои родители; а моихъ родителей кто научилъ? Конечно, ихъ родители и. т. д. Но что же изъ этого? Къ чему мы придемъ, слѣдуя далѣе указаннымъ путемъ? Очевидно, что, восходя все далѣе и далѣе по родословной предковъ, мы придемъ, наконецъ, къ прародителямъ; но очевидно также, что при этомъ мы ни на одну іоту не подвинемся къ рѣшенію вопроса. И въ самомъ концѣ длиннаго пути предъ нами останется все тотъ же вопросъ: кто же научилъ нашихъ прародителей?!... А кто въ самомъ дѣлѣ ихъ научилъ? Раскроемъ первую св. книгу Бытія рода человѣческаго и поищемъ въ ней отвѣта. Вспомните это величественно-простое повѣ-

¹⁾ Вѣстникъ Иностран. Литерат. Мартъ 1902 г. стр. 8-я.

ствование о первом откровении совести у прародителей наших послѣ грѣхопаденія ихъ. „Лишь только они согрѣшили, читаемъ въ книгѣ Бытія, тотчасъ глаза у обоихъ открылись, и они увидѣли, что наги и спили себѣ опаясанія (гл. 3 ст. 7). Кто имъ сказалъ, что они наги?—Совѣсть. Почему прежде они не замѣчали наготы своей?—Потому что были невинны!... И все это такъ понятно, такъ естественно, что даже дѣти, слушая это повѣствованіе, не нуждаются въ объясненіи. Да и быть иначе не можетъ, потому что законъ совѣсти—законъ природы нашего духа, по которому мы жить должны. И это не исключительное какое либо, не безпримѣрное явленіе въ мірѣ. Это — всеобщій фактъ: въ природу каждаго существа вложенъ Творцемъ законъ жизни его, въ силу котораго каждое существо живетъ и развивается по роду своему. Полевая лилія растетъ и одѣвается, какъ не одѣвался Соломонъ во славу своей, не нуждаясь ни въ услугахъ химика, ни въ помощи садовника; птицы летаютъ и рыбы плаваютъ не потому, что ихъ учатъ этимъ искусствамъ, а потому что имѣютъ крылья и плавники. Такимъ же образомъ и каждое существо въ самомъ себѣ носитъ законъ жизни своей; различіе же только въ томъ, что растеніе только имѣетъ этотъ законъ и выполняетъ его, но не чувствуетъ этого, животное имѣетъ, выполняетъ и чувствуетъ; человѣкъ же, какъ существо разумно-свободное, не только имѣетъ и чувствуетъ, но и сознаетъ, какъ свой нравственный долгъ. Изложенный нами взглядъ на законъ совѣсти подтверждается для насъ, вѣрующихъ въ непреложную истину Слова Божія, многими мѣстами Св. Писанія. Особенно знаменательны въ этомъ отношеніи слова перваго провозвѣстника закона Божія роду человѣческому. Возвѣстивъ избранному нѣкогда народу еврейскому Богомъ данный ему законъ, Моисей обратился къ нему съ слѣдующими словами: *„слушай, Израиль, — не думай, что законъ, данный тебѣ, такъ далекъ отъ тебя, что тебѣ нужно посылать кого нибудь на небо, или въ заморскія страны, чтобы оттуда пришелъ къ тебѣ посланникъ и объяснилъ тебѣ заповѣди. Законъ близокъ тебѣ: онъ — въ сердце твоемъ“*. (Второзак. 30, 11—14). Ту же мысль и еще опредѣленнѣе выра-

жаетъ Апостоль Павель, разсуждая о томъ, будутъ ли подлежать суду правды Божіей язычники, не имѣющіе писаннаго (Богооткровеннаго) закона: „язычники, говоритъ Апостоль, не имѣющіе закона (писаннаго), по природѣ законное дѣлаютъ; не имѣя закона, они сами себя законъ: дѣло закона (требованія закона) написано у нихъ въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуется совѣсть ихъ, и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“ (Римл. 11, 14—15). Что такое этотъ законъ, написанный въ сердцахъ язычниковъ, и въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ совѣсти, это особенно обстоятельно раскрываетъ св. Іоаннъ Златоустъ. Отвѣчая на вопросъ: что такое естественный законъ, Златоустъ говоритъ: „Богъ даровалъ намъ совѣсть и познаніе добра и зла сдѣлалъ врожденнымъ. Намъ не нужно учиться, что убійство зло, а цѣломудріе добро. Мы знаемъ это отъ начала, и для удостовѣренія, что мы это знаемъ, Законодатель, давая впослѣдствіи законы и сказавши: *не убій* (Втор. 7, 17) не прибавилъ: потому что убійство—зло. Онъ только запретилъ грѣхъ, но не училъ о немъ,—потому что совѣсть предварительно научила насъ этому, а Онъ говорилъ объ этомъ, какъ съ знающимъ и разумѣющимъ... Почему, скажи мнѣ, законодатели ихъ (язычниковъ) написали законы о бракѣ, объ убійствахъ и о многихъ другихъ? Нынѣшніе законодатели, можетъ быть, научились отъ предшественниковъ, эти отъ старшихъ, а тѣ опять отъ древнѣйшихъ; но отъ кого научились тѣ, которые въ началѣ и первые издали законы? Не ясно ли, что *отъ совѣсти*“.¹⁾

Чтобы окончить рѣчь объ источникахъ нравственнаго закона, выразителемъ котораго служить совѣсть, намъ остается еще упомянуть здѣсь объ одномъ философскомъ заблужденіи, которымъ могли бы воспользоваться защитники неограниченной свободы совѣсти; имѣемъ въ виду извѣстное ученіе Канта, будто наша воля сама себя полагаетъ законъ (автономія воли). Выше мы говорили уже, что не воля полагаетъ законъ, а для воли, надѣленной свободой, положенъ законъ Творцемъ.

Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся при разсмотрѣніи даль-

¹⁾ Твор. Іоан. Злат. XI бесѣда по случаю низверж. ц. статуи.

нѣйшихъ моментовъ обнаруженія или дѣйствій совѣсти. Возвѣстивъ намъ въ томъ или другомъ случаѣ законъ, совѣсть не остается безучастной зрительницей того, какъ мы относимся къ закону; она является затѣмъ то *повелѣвающей*, то *запрещающей*, причѣмъ, хотя и не насилуетъ нашей воли, но *властно и безусловно обязываетъ ее*: мы чувствуемъ, что можемъ подчиниться, можемъ и не подчиниться велѣнїямъ, или запретамъ совѣсти, но въ то же время совершенно ясно сознаемъ, что мы *должны бы, обязаны* подчиниться, а потому если и не подчиняемся, то все же чувствуемъ, что мы поступили неправильно, не хорошо, — не исполнили нашего долга. На эту то повелительную силу совѣсти и не обращаютъ достаточнаго вниманія тѣ психологи, которые вмѣстѣ съ Кантомъ признаютъ законъ совѣсти *безусловно и окончательно* закономъ нашей духовной природы и утверждаютъ, что воля сама себѣ поставляетъ законъ (автономія воли). Между тѣмъ какъ при самомъ неглубокомъ разсужденіи легко понять, что если бы въ самомъ дѣлѣ воля сама себѣ давала законъ, то она и чувствовала бы свою законодательную власть надъ нимъ; велѣнїя совѣсти не имѣли бы тогда того безусловно-обязательнаго значенія для нашей воли, какое онѣ въ дѣйствительности имѣютъ.

„Не ли, говоритъ Фихте, хотя бы отъ этого міръ погибъ!“.

И какъ ни парадоксально это выраженіе по формѣ, но въ глубинѣ совѣсти каждый изъ насъ чувствуетъ, что по содержанію своему оно выражаетъ ту безусловную истину, что лгать непозволительно ни при какихъ условїяхъ. Наоборотъ: никто не согласится съ іезуитскимъ правиломъ, что можно и солгать *ad magnam gloriam Dei*.. Гдѣ же источникъ такой безусловной обязательности для насъ велѣній совѣсти? „Изъ природы нашего духа, говоритъ Мартенсъ, можно объяснить только наши идеальныя стремленія и влеченія, только томленіе и безпокойство духа при всякомъ уклоненіи съ идеальнаго пути жизни; но нельзя объяснить того властнаго повелѣнїя (императива), той властной заповѣди, которая говоритъ намъ: „ты долженъ“ (говорить правду, никогда не лгать и т. п.) и не допускаетъ никакихъ исключеній. Въ этомъ повелѣнїи человѣкъ чувствуетъ

присутствіе въ своемъ внутреннемъ существѣ верховной власти Творца и Законодателя вселенной¹⁾. „Только въ существѣ безусловномъ, подтверждаетъ Лютардтъ, и можетъ быть источникъ и твердое основаніе безусловнаго долга, требующаго отъ насъ во всякомъ случаѣ и при всѣхъ условіяхъ оставаться вѣрными закону совѣсти, какъ бы ни сложились внѣшнія обстоятельства нашей жизни. Несомнѣнно, что когда человѣкъ, умирающій отъ голода, воруетъ, чтобы насытиться, то онъ заслуживаетъ полнаго снисхожденія; но воровство все же остается воровствомъ и не станетъ добродѣтелью ни предъ его совѣстью, ни предъ общественнымъ судомъ“.

Послѣдній моментъ дѣйствія совѣсти наступаетъ обычно тогда, когда мы совершаемъ уже поступокъ; совѣсть является теперь нашимъ внутреннимъ судьей и мздовоздаятелемъ: смотря по тому, соотвѣтствуетъ ли поступокъ нравственному закону, или не соотвѣтствуетъ, совѣсть то одобряетъ, то порицаетъ насъ,—то награждаетъ внутреннимъ миромъ и спокойствіемъ, то караетъ мученіями и угрызеніями. Этотъ моментъ дѣйствія совѣсти близко знакомъ каждому, кто не утратилъ сознанія своей нищеты духовной: онъ неизбѣжно слѣдуетъ за каждымъ грѣхопаденіемъ нашимъ, какъ тѣнь за предметомъ въ солнечный день. Мало того: во всѣхъ, болѣе или менѣе исключительныхъ случаяхъ, когда мы рѣшаемся на какой либо необычный поступокъ, судъ совѣсти не оставляетъ насъ въ покоѣ и въ тотъ, негнѣдко значительный, промежутокъ времени, который проходитъ между нашимъ рѣшеніемъ совершить проступокъ и самымъ совершеніемъ его; совѣсть не ждетъ, чтобы мы совершили проступокъ, но начинается тотчасъ, какъ только мы рѣшаемся на него; онъ является въ этомъ случаѣ предваряющимъ и удерживающимъ насъ отъ преступленія и тяжелыхъ послѣдствій его. И не дай Богъ, если бы мы не имѣли въ совѣсти этого бдительнаго стража и охранителя; тогда всѣ дурныя рѣшенія наши, при отсутствіи внѣшнихъ препятствій и опасеній, переходили бы въ дѣло! При наличности же этого предваряющаго суда совѣсти можно сказать,

¹⁾ Мартенсъ; Христ. ученіе о нравств. стр. 377-я.

не опасаясь преувеличенія, что гораздо большая часть дурных намѣреній нашихъ задерживается, чѣмъ осуществляется. Бывали случаи, что предъ грознымъ протестомъ совѣсти опускались поднятыя уже руки убійцы. Но не всегда такъ бываетъ... Съ поразительной силой изобразилъ этотъ предваряющій судъ совѣсти Достоевскій въ романѣ „Преступленіе и наказаніе“, въ лицѣ Раскольниковъ. Раскольниковъ, бывшій студентъ, вынесшій изъ университета только увлеченіе моднымъ тогда ученіемъ, что прекрасно и хорошо только то, что полезно (утилитаризмъ), подъ гнетомъ нужды, задумалъ убить старуху ростовщицу, мечтая на ея деньги построить школы, больницы и т. п. Само собою разумѣется, что совѣсть не могла оставить его въ покоѣ, и она, дѣйствительно, мучила его съ той минуты, какъ только онъ рѣшился на убійство. Болѣе мѣсяца носился онъ съ этой ужасной мыслью, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ ужаснѣе и невѣроятнѣе самому ему казалась она. Проблуждавъ, однажды, по городу и за городомъ безцѣльно „куда глаза глядятъ“ нѣсколько часовъ, крайне усталый и измученный, онъ сошелъ съ пути, забрался въ кусты, бросился на траву и заснулъ. Но совѣсть и во снѣ не оставляла его въ покоѣ: приснился ему страшный сонъ. И вотъ какъ описываетъ Достоевскій его пробужденіе и душевную муку: „онъ проснулся весь въ поту... и приподнялся въ ужасѣ... Все тѣло его было какъ бы разбито; смутно и темно въ душѣ. Онъ положилъ локти на колѣна и подперъ обѣими руками голову... Боже, воскликнулъ онъ, да не ужели и въ самомъ дѣлѣ я возьму топоръ, стану бить по головѣ, размозжу ей черепъ, буду скользить въ теплой крови, взламывать замокъ, красть, дрожать; Господи, неужели? Онъ дрожалъ, какъ листъ...

— Нѣтъ, я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже нѣтъ никакихъ сомнѣній во всѣхъ этихъ расчетахъ, пусть будетъ это все, что рѣшено въ этотъ мѣсяцъ, ясно, какъ день, справедливо какъ ариметика. Господи, вѣдь я все же не рѣшусь! Чего-же, чего-же я до сихъ поръ... Онъ всталъ; онъ былъ блѣденъ, глаза его горѣли, изнеможеніе было во всѣхъ

членахъ; но ему вдругъ дышать стало легче. Онъ почувствовалъ, что уже сбросилъ съ себя это страшное бремя, давившее его такъ долго, и на душѣ его стало вдругъ легко и мирно. „Господи, молился онъ, покажи мнѣ путь мой, а я отрекаюсь отъ этой проклятой мечты моей!“ — Но не дремлетъ свѣтлый зла въ жизни человѣческой. Какъ будто совершенно случайно обстоятельства слагаются такъ, что Раскольниковъ не успѣлъ укрѣпиться въ своемъ добромъ намѣреніи. „По дорогѣ, читаемъ далѣе, зашелъ онъ въ одинъ плохенькій трактиръ, спросилъ чаю и крѣпко задумался. Почти рядомъ съ нимъ сидѣлъ студентъ, котораго онъ не зналъ и не помнилъ, и молодой офицеръ. И вдругъ Раскольниковъ слышитъ, что студентъ говоритъ про ту же ростовщицу, Алену Ивановну. „Я бы, говорилъ студентъ офицеру, эту проклятую старуху убилъ и ограбилъ, и увѣряю тебя, что безъ всякаго зазору совѣсти, съ жаромъ прибавилъ студентъ.— Офицеръ захохоталъ, а Раскольниковъ вздрогнулъ. Какъ это было странно!

— Позволь, загорячился студентъ, я тебѣ серьезный вопросъ задать хочу.— Я сейчасъ, конечно, пошутилъ, но смотри: съ одной стороны глупая, ничтожная, злая, больная старушонка, никому ненужная, и, напротивъ, вредная, которая сама не знаетъ, для чего живетъ, и которая завтра же сама собою умретъ. Понимаешь? Понимаешь?

— Ну, понимаю, отвѣчалъ офицеръ, внимательно уставясь на горячившагося товарища.

— Слушай дальше. Съ другой стороны, молодая, свѣжія силы, пропадающія даромъ безъ поддержки, и это тысячами, и это повсюду! Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаний, которыя можно устроить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь! Сотни, тысячи существованій, направленных на дорогу, десятки семействъ, спасенныхъ отъ нищеты, отъ гибели, отъ разврата—и все это на ея деньги. Убей ее и возьми ея деньги съ тѣмъ, чтобы съ ихъ помощью посвятить себя на служеніе человѣчеству и общему дѣлу: какъ ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступленьце тысячами добрыхъ дѣлъ. За одну жизнь—тысячи жизней, спа-

сенныхъ отъ гвѣненія и разлеженія. Одна смерть и сто жизней взаимѣнъ, — да вѣдь тутъ ариѳметика!

— Конечно, она недостойна жить, замѣтилъ офицеръ; но вѣдь тутъ природа.

— Эхъ, братъ, да вѣдь природу поправляютъ и направляютъ, а безъ этого пришлось бы потонуть въ предразсудкахъ. Говорятъ: „долгъ, совѣсть“, но вѣдь какъ мы ихъ понимаемъ“.

Выслушавъ эту, модную тогда теорію утилитаризма въ студенческомъ изложеніи, офицеръ обратился къ студенту съ такимъ вопросомъ:

— Вотъ ты говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мнѣ: убьешь *ты самъ* старуху, или нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ! Я для справедливости... Не во мнѣ тутъ дѣло...

— А по моему, сказалъ офицеръ, коль ты самъ не рѣшаешься, такъ нѣтъ и справедливости никакой!.. Пойдемъ, сыграемъ еще партію!“

Но Раскольниковъ не способенъ уже былъ понять эту логику простаго здраваго смысла. Студенческая ариѳметика была болѣе убѣдительною для его омраченнаго ума и сердца, и, какъ извѣстно, онъ убилъ старуху, а вмѣстѣ съ тѣмъ погубилъ и жизнь свою.

Но возвратимся къ психологіи. Мучителенъ и тяжелъ бываетъ судъ совѣсти, а потому мы нерѣдко усиливаемся смягчить его самооправданіемъ. Начинается та борьба помысловъ, о которой говоритъ Апостоль: одни помыслы оправдываютъ насъ, другіе обвиняютъ. Предъ судилищемъ совѣсти творится нѣчто подобное тому, что бываетъ въ нашихъ общественныхъ судахъ. Какъ въ судѣ являются обычно двѣ стороны: одна въ лицѣ прокурора, блюстителя правды законной, — обвиняющая; другая въ лицѣ адвоката — защищающая; окончательное же слово принадлежитъ суду присяжныхъ, которые являются въ этомъ случаѣ представителями общественной совѣсти; такъ и во внутреннемъ судилищѣ нашемъ бываетъ нѣчто подобное: лишь только совѣсть начинаетъ упрекать насъ, мы начинаемъ оправдывать себя различными обстоятельствами: то „среда

насъ заѣла“, то „воспитаніе было плохо“, то „друзья увлекли“ и т. п. Словомъ, выходитъ: и виновать, и невиновать. Но продолжается эта „борьба помысловъ“ только до тѣхъ поръ, пока совѣсть не произнесетъ своего окончательнаго суда, за которымъ уже слѣдуетъ воздаяніе: миръ и спокойствіе — невинному, упреки и мученія — виновному. Не всегда, однако, такъ бываетъ; въ случаяхъ чрезвычайныхъ судъ совѣсти бываетъ коротокъ, — человекъ сразу чувствуетъ, что никакія самооправданія не помогутъ, что никакая діалектика не избавитъ отъ упрековъ совѣсти, никакое резонерство не успокоитъ ее, — что ему остается одинъ исходъ: склонивъ голову повинную сказать: да, грѣшенъ, виновать! Такія минуты въ жизни человекъ, не утратившаго сердечной чувствительности, бываютъ столь же мучительны, а иногда и ужасны, какъ и тѣ, которыя переживаетъ подсудимый, выслушивая въ судѣ обвинительный приговоръ. Съ поразительной силой художественной правды изображены эти муки душевныя великимъ драматургомъ преступной совѣсти Шекспиромъ во многихъ его произведеніяхъ, а особенно въ „Ричардѣ III-мъ“ и „Макбетѣ“.

На канунѣ роковой битвы Ричардъ видитъ страшный сонъ: всѣ убитые имъ являются къ нему съ проклятіями и предвѣщаютъ ему пораженіе. Въ страшномъ испугѣ Ричардъ пробуждается, но, увы, вмѣстѣ съ нимъ пробуждается и совѣсть. Въ безумномъ ужасѣ кричитъ онъ: смѣнить коня!... Перевяжите раны!... Но отъ совѣсти не уйдешь. Опомнившись Ричардъ продолжаетъ: а, это ты совѣсть — мучитель мой! Сто языковъ у совѣсти моей, и каждый мнѣ твердитъ по сотнѣ сказокъ и въ каждой извергомъ меня зоветъ... Да, я извергъ; я клятвамъ измѣнялъ — страшнымъ клятвамъ; я убивалъ, — ужасно убивалъ... Отчаяніе грызетъ меня! Души всѣхъ мертвецовъ сошлись въ мою палатку и каждый мнѣ грозитъ и мщенье призываетъ на голову мою!...

Ужаснѣе, мучительнѣе этого состоянія едва ли что можно представить. Прибавьте же еще къ этому, что преступная совѣсть не знаетъ забвенья: сѣдовласому старцу она напоминаетъ грѣхи далекой юности такъ же ясно, какъ и событія вче-

рашяго дня; — не знаетъ отдыха и покоя: ужасные образы, призраки прежнихъ злодѣяній, то и дѣло овладѣвають сознаніемъ и неотступно мучать душу. „И въ домѣ, и въ собраніяхъ, и за трапезою, и во время сна, и при пробужденіи“, говорилъ св. Іоаннъ Златоустъ. Никакая перемѣна обстоятельствъ, обстановки, условій жизни, никакія развлеченія и блага жизни, ни богатство, ни слава, ни почести не могутъ успокоить совѣсть. Припомнимъ извѣстный монологъ Бориса Годунова:

„Достигъ я высшей власти,
Но счастья нѣтъ въ моей душѣ,

. . . . .

Ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить,
Ничто, ничто... едина только совѣсть.

Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгорить, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ,
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!

Да; жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!“

Такъ исполняются слова Писанія: *дѣлами нечестивый мучитъ себя все дни* (Іова 15, 20); *бѣжитъ, хотя никто не гонится за нимъ* (Притч. 28, 1).

Но какъ ни ужасны, какъ ни мучительны терзанія совѣсти, они безвѣдльны и безплодны: въ нихъ отмщеніе, но въ нихъ и очищеніе. Напоминая намъ о содѣянныхъ злодѣяніяхъ и наказывая мученіями, совѣсть имѣетъ цѣлью съ одной стороны пробудить въ душѣ нашей раскаяніе, а съ другой — предупредить отъ повторенія подобныхъ преступленій въ будущемъ. Горькимъ лѣкарствомъ совѣсть врачуетъ наши язвы грѣховныя. Прекрасно описана эта врачующая дѣятельность совѣсти св. Іоанномъ Златоустомъ: „совѣсть, говоритъ онъ, не перестаетъ прилагать свои врачевства, и пусть ея не послушаютъ, она и тогда не отстаеетъ, но продолжается постоянно

заботиться. Ибо въ томъ-то и дѣло ея, чтобы непрерывно напоминать о грѣхѣ и не дать грѣшнику дойти когда нибудь до забвенія о поступкахъ его, но выставлать ихъ на видъ, чтобы хотя чрезъ то сдѣлать насъ не столь склонными къ повторенію прежнихъ грѣховъ. Вѣдь если многіе изъ насъ не преодолеваютъ безпечности и при такомъ содѣйствіи и помощи совѣсти, имѣя въ себѣ такого сильнаго обличителя и карателя, какъ совѣсть, которая терзаетъ сердце и поражаетъ сильнѣе всякаго палача, то безъ этой помощи мы не тотчасъ ли погибли бы*? ¹⁾ И это вполне понятно. Безъ обличеній совѣсти, не было бы и раскаянія, а безъ послѣдняго, конечно, не могло бы быть и обращенія грѣшниковъ на путь спасенія. Понятно отсюда, почему всѣ проповѣдники покаянія заботятся главнымъ образомъ о томъ, чтобы яркимъ изображеніемъ пороковъ и преступленій пробудить дремлющую совѣсть грѣшниковъ: этимъ путемъ вызываютъ раскаяніе, которое и ведетъ къ исправленію. Понятнымъ становится и глубоко вѣрное замѣчаніе Достоевскаго въ „Дневникѣ писателя“, что тѣ присяжные, которые легкомысленно, „якобы изъ чловѣколюбія“, незаслуженно оправдываютъ преступника, совершаютъ надъ нимъ великую нравственную жестокость: ложнымъ оправданіемъ преступленія они затемняютъ нравственное сознаніе преступника (онъ и самъ, говоритъ Достоевскій, начинаетъ сомнѣваться въ виновности своей) и такимъ образомъ лишаютъ его возможности, сознавъ свой грѣхъ тяжкій и понесши за него наказаніе, примириться съ своею совѣстью.

Мы окончили нашъ очеркъ дѣйствій совѣсти, но хотѣли бы присоединить къ нему два примѣчанія: 1) хотя въ нашемъ описаніи совѣсть представлена дѣйствующею въ трехъ указанныхъ моментахъ, но это не значитъ, что она и существуетъ только въ этихъ моментахъ. Нѣтъ; какъ и законъ долга, выразителемъ котораго служить совѣсть, она глубоко внѣдрена въ природу нашего духа, составляя постоянное, неотъемлемое свойство чловѣческаго сердца; говоря метафорически, это зеркало души, которое всегда чловѣкъ носитъ съ собою. „Со-

¹⁾ Твор. Св. Іоанна Влат., изд. 1851 г. I, стр. 272.

вѣсть, замѣчаетъ извѣстный ученый богословъ Лютардтъ, послѣднее достояніе, которое остается въ душѣ человѣка, хотя бы она потеряла все, что Богъ ей далъ“, послѣдняя искра добра, которая таилась даже въ душѣ Іуды предателя: „тогда Іуда, увидѣвъ, что онъ осужденъ, терзаемый совѣстью, раскаялся и сказалъ: согрѣшилъ я, предавъ Кровь неповинную (Матѳ. 27, 4). Съ глубокимъ пониманіемъ указываетъ на неотъемлемость совѣсти отъ сердца человѣческаго Достоевскій въ лицѣ Ивана Карамазова. Не вѣритъ Иванъ ни въ Бога, ни въ загробную жизнь, ни въ добродѣтель, но тѣмъ не менѣе мучится и мятется при одной мысли о томъ, что онъ былъ нравственнымъ участникомъ отцеубійства; эти мученія, въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, довели его до крайняго нервнаго расстройства, до галлюцинацій. Въ такомъ состояніи видится ему злой духъ, раскрывающій предъ нимъ душевныя муки его... Въ минуты просвѣтленія Иванъ чувствуетъ что мучить его не *онъ*, не призракъ разстроеннаго воображенія... „Знаешь что, Алеша, говоритъ Иванъ брату, я бы очень желалъ, чтобы это былъ въ самомъ дѣлѣ *онъ*, а не я.

— „Онъ тебя измучилъ“, замѣчаетъ сострадательно Алеша.

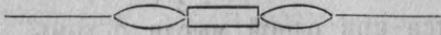
— Нѣтъ, отвѣчаетъ Иванъ, не онъ, — *совѣсть!*“.

2) Второе, на что хотѣли мы еще обратить ваше вниманіе, то, что совѣсть не есть только могучій дѣятель личной жизни человѣка. Отъ личной совѣсти справедливо отличаютъ совѣсть общественную, народную и даже общечеловѣческую. Содержаніе всѣхъ этихъ видовъ совѣсти, въ количественномъ отношеніи, неодинаково: многое изъ того, что личною совѣстью (различныхъ лицъ) признается дурнымъ, общественною совѣстью признается нравственно-безразличнымъ; равнымъ образомъ многое изъ того, что совѣстью того или другого народа осуждается, совѣстью общечеловѣческою не признается предосудительнымъ и т. п. Вообще можно сказать, что содержаніе совѣсти общественной уже, чѣмъ — совѣсти личной, а содержаніе совѣсти общечеловѣческой и еще уже. Но въ качественномъ смыслѣ отношеніе между указанными видами совѣсти устанавливается обратное: судъ совѣсти общественной

(которую, однако, нельзя смѣшивать съ т. н. общественнымъ мнѣніемъ) правильнѣе суда совѣсти личной, а судъ совѣсти общечеловѣческой не безъ основанія признается высшимъ (естественнымъ) откровеніемъ правды Божіей на землѣ. Въ этомъ именно смыслѣ надо понимать извѣстное изреченіе одного изъ великихъ историковъ: „всемирная исторія есть всемирный судъ“, выше котораго нѣтъ на землѣ.

Обратимся теперь къ вопросу о *свободѣ совѣсти*.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

**ВЪ ДАВБѢ
ПРИ ЗНАМЕНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ**

— (П Р О Д А Ю Т С Я) —

СВЯТЫЯ ИКОНЫ, ПЛАЩАНИЦЫ

—* И *—

СВЯЩЕННИЧЕСКІЯ ОБЛАЧЕНІЯ.

Содержаніе:—1) Поученіе въ недѣлю о разслабленномъ.—2) Св. Іоанна Златоустаго о будущемъ воскресеніи тѣла.—3) Совѣсть и ея значеніе въ чловѣческой жизни.—4) Объявленіе.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей **Іаковъ Новицкій.**

Печатать дозволяется 22 апрѣля 1902 года Цензоръ, Инспекторъ Курскаго Епархіальнаго жен. училища, Протоіерей *Михаилъ Краснитскій.*

Курскъ. Типографія Бр. Н. и И. Ваниныхъ.